

Кинофорум: изменение формата

Вадим САЛЕЕВ,
доктор
философских наук

Более полугода назад завершился XVII Минский международный кинофестиваль «Лістапад-2010», однако споры и дебаты вокруг него не утихают до сих пор. Общественный резонанс и совершенно неоднозначные оценки как среди специалистов, имеющих отношение к киноискусству, так и среди широкого круга кинозрителей были вызваны значительными качественными и количественными изменениями. И хотя фестиваль носил традиционно присваиваемый порядковый номер – семнадцатый, по сути оказался настолько иным, что в пору с него вести новое «летоисчисление».

Зародился фестиваль в 1990-е годы – время, когда перед нашими людьми остро встала проблема выживания. До искусства ли было тогда? Кинотеатры, театры, концертные залы стремительно пустели. В этих условиях учреждение минского кинофорума было своего рода подвигом, или, лучше сказать, чудом. Сегодня мы с благодарностью вспоминаем тех, кто оказался к этому чуду причастен: председателя Минского международного кинофестиваля «Лістапад» народного артиста СССР Ростислава Ивановича Янковского, его до недавних пор «правую руку» – организатора-распорядителя Валентину Алексеевну Степанову. Эта «железная леди» сводила воедино почти все организационные нити кинофорума: начиная от программ по встрече именитых гостей и заканчивая суровым распорядительством прессой. Впрочем, это был период, когда едва ли не каждый организационный шаг был проблемой, потому что совершался впервые. Истовая работа распорядителя играла если не определяющую, то, безусловно, выдающуюся роль, и потому за-

служивает особого уважения. Конечно, в новом столетии с его повышенными требованиями к уровню сервиса и менеджмента культурного сообщения традиционные организационные приемы приходится корректировать...

ТАК СЕМНАДЦАТЫЙ ИЛИ ПЕРВЫЙ?

В 2009 году состоялся как бы «переходный» фестиваль. Валентина Степанова уже не являлась директором кинофестиваля, председателем-руководителем по-прежнему оставался Р. Янковский. Оставалась неизменной и концепция кинофорума: все ориентировано на зрителя, именно зрителю принадлежит конечная оценка конкурсных кинолент и судьба, по крайней мере, главных призов. А в 2010-м все изменилось, неожиданно и кардинально. Начиная от дирекции фестиваля, директората программ игрового, документального кино, детского «Лістападзіка» и заканчивая председателем. Им стал известный актер и телеведущий Геннадий Давыдько. Изменилась система назначения жюри, уменьшилось количество участников. Появилась даже новая эмблема «Лістапада» – выгнутый под ветром желтый осенний лист.

Во всех разделах перед зрителем представило множество кинолент. Особенно удивил – и количеством, и качеством – конкурс

ОБ АВТОРЕ

САЛЕЕВ Вадим Алексеевич.

Родился в 1939 году в Ленинграде. В 1962 году окончил БГУ, в 1970 году – аспирантуру философского факультета МГУ. Прошел путь от преподавателя до профессора на кафедре философии Белорусского политехнического института (ныне – БНТУ). С 1996 года – заведующий отделом культурологии Национального института образования (НИО) Министерства образования Республики Беларусь.

В 2002–2004 годах – главный редактор журнала «Мастацтва». С 2009 года – главный научный сотрудник НИО Министерства образования Республики Беларусь.

Доктор философских наук (1992). Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь (2000).

Автор свыше 300 научных работ.

Сфера научных интересов: философия, культурология, эстетика.

неигрового кино. Все многообразие представленных картин директорат осилил, приступив к работе всего лишь с августа месяца. Это настоящий подвиг, совершенный командой, возглавляемой Анжелой Крашевской.

Наиболее существенные перемены претерпела программа игрового кино, составленная новым директором Игорем Сукмановым. Стоит отметить, что фигура директора подобных программ для любого кинофорума архиважная, если не решающая. Обычно такой «отборщик» конкурсных фильмов – опытный киновед, имеющий вес не только в кинематографическом сообществе. И хотя наш Игорь Сукманов в полной мере этому определению не отвечает и учеными степенями пока не отягощен, личность он, безусловно, оригинальная. В молодости поражал знакомых тем, что чуть ли не автостопом добирался до Канн – на знаменитый, считающийся лучшим в Европе кинофестиваль. Ныне, совместно с единомышленниками, организовал киношколу для минских старшеклассников, где самозабвенно излагает историю мирового кино, учит юную поросль видеть черты искусства в современном кинопродукте, что дается не всегда легко.

Программа XVII Международного кинофестиваля «Лістапад» подобрана с безусловно развитым эстетическим и этическим вкусом. Она отразила двуетадную задачу, заложенную изначально при создании нашего фестиваля: охват максимального числа стран, производящих кинопродукт, и презентация лучших фильмов, созданных в последние годы на пространстве СНГ. Но даже при этой необычайно обширной географической панораме чувствовался отбор, селекция – выбор наидостойного.

В основном конкурсе игрового кино было представлено двенадцать кинолент постсоветского пространства и стран бывшего социалистического блока. Ни один из этих фильмов не был включен случайно. Более того, во внеконкурсном показе были задействованы российские ленты, созданные на

В 2010 году Ростислав Янковский передал полномочия председателя фестиваля Геннадия Давыдько

протяжении последних двух лет, так что минский зритель мог познакомиться с достоверной панорамой кино наших соседей.

Настоящим сюрпризом для зрителя стало мощное представительство Южной Америки – ровно треть из всех кинолент, заявленных на конкурсе: «Плохой день для рыбалки» (режиссер Альваро Брехнер, Уругвай), «Октябрь» (режиссеры Даниэль и Диего Вега, Перу), «Брат» (режиссер Марсель Раскин, Венесуэла). Каждый из этих фильмов не только расширял познавательные горизонты, но и вносил уникальные эстетические акценты, ставил соответствующие киноведческие вопросы: как понимать кино из дальних стран, где все необычно и непривычно и, может быть, несообразно с критериями, традиционно действующими в отношении «западного» кино? как не пропустить уникальность и, в то же время, отметить универсальность этих работ, в контексте знаменитого тезиса «Все меняется на свете, только человек остается неизменным»? Кстати, эту истину еще раз подтвердили фильмы «Лістапада-2010».

ВЗЛЕТЫ, ПАДЕНИЯ И ПАНОРАМА

Любое творение искусства можно рассматривать по значимости представленных идей, по новизне формы, относительно возможностей восприятия зрителем – как массовое и как элитарное. Но даже эти критерии, при всей их важности, далеко не всё. Ведь киноискусство тем и интересно, что может одновременно показать максимум оттенков, сотни смыслов человеческих отношений, мира природы и социума. Хронотоп, доступный киноотражению, – необъятен. А уж фестивальная панорама – в принципе особое явление: сюда попадают, по идее, именно незаурядные киноленты, при этом наглядно демонстрирующие свою «особость» – как сказал поэт, с «лица необщим выраженьем».

В этой необычности не всегда определяющим является фактор художественности (еще одна закономерность фестивального кино). Не потому, что авторы игнорируют это «именное» свойство искусства. Достичь художественности непросто. Поэтому основой своеобразия фильма для многих кинематографистов является необычность взгляда на ситуацию, на человеческие отношения,

Министр культуры Беларуси Павел Латушко (справа) вручает Специальный приз Президента Республики Беларусь «За гуманизм и духовность в кино» картине «Брат» режиссера Марселя Раскина (Венесуэла)

либо же они демонстрируют новую, неизвестную зрителю среду, социальную или природную экзотику. Такие ленты были и в программе «Лістапада». Уругвайская, перуанская и венесуэльская кинокартины представили в сочных красках неповторимый мир Латинской Америки, причем фильм венесуэльского режиссера Марселя Раскина «Брат» блеснул и бесспорным художественным мастерством, недаром он некоторое время лидировал в зрительском голосовании.

Наиболее «познавательными» – в этнографическом, социальном, психологическом плане – оказались, на наш взгляд, картины конкурса молодого игрового кино. Были среди них и совсем «свежие» (в смысле, дебютные) вещи, с присущими им шероховатостями, как, скажем, фильм «Все вы капитаны». Режиссер Оливер Лакс поддается свободному, неизбирательному «полету» камеры, но отсутствие художнического отбора, конечно, снижает качество картины. То же самое, с известными нюансами, можно сказать и об австралийском фильме «Самсон и Далила» (режиссер, автор сценария, оператор и композитор Уорвик Торнтон). Его камера детально фиксирует обыденную жизнь молодых аборигенов из резервации в пустыне Центральной Австралии. Перед нами мелькают картинки незамысловатого быта и бытия. В информативном плане: вот так, мол, живут где-то люди, все это имеет определенную ценность, но не в плане искусства.

Есть и позитивные примеры – фильм «Тегеран» (Франция – Иран), повествующий о тяготах жизни современных иранцев. Для того чтобы остаться на плаву, главный

герой Ибрагим покидает родную деревню, семью и оказывается в мегаполисе, где его вовлекают в криминальный бизнес. Трудный быт, попрошайничество, жесткая гангстерская среда... Режиссер Надер Т. Хомаюн демонстрирует вполне адекватное понимание законов кино: психологическое «заглубление» кадра-картинки, ее тонкая вариативность придают частной истории сущностную определенность, исторический, социальный, этнографический смысл.

Разумеется, минскому кинозрителю особенно интересно знакомство с фильмами стран СНГ и Балтии, а также славянских стран – далеких и близких. Это знакомство принесло разные результаты. Так, кинолента «Прогульщики» (режиссер Леван Когуашвили) убеждает, что традиции грузинского кино живы, но сколько-нибудь заметного новаторского продвижения пока что в нем нет. Весьма достойное кино привезли представители южнославянских стран: Сербии («Святой Георгий убивает дракона», режиссер Срджан Драгоевич) и Болгарии («Восточные пьесы», режиссер Камен Калев), причем болгарский фильм обнаружил и новые подходы, и свежую тональность в освещении сверхактуальной проблемы межнациональных и межкультурных коммуникаций. В центре внимания – острый, уходящий корнями в глубокую древность болгаро-турецкий этнический конфликт.

Иное впечатление оставил «Реверс» в постановке польского режиссера Борыса Ланкоша – фильм, который можно отнести к разряду добротных. Исполнение главной роли Агатой Бузен выше всяких похвал, в каждом эпизоде она достоверна. Кстати, история, положенная в основу сюжета, способна вызвать особый резонанс именно в среде нашего зрителя как постсоветского «субъекта»: «щупальцы сталинизма» в 1950-х годах дотягиваются и до Польши, символом чего становится строящийся в Варшаве грандиозный Дворец культуры и науки. В его-то фундамент скромная, тихая женщина Кристина складывает останки человека, вызвавшего ее самые неподдельные чувства и оказавшегося... агентом спецслужб. В общем, хороший, содержательный фильм, трудно даже понять, чего ж ему все-таки недостает – чего-то очень важного. Думается, если бы режиссер Борыс Лан-

кош смог хотя бы чуть-чуть подняться над бытовыми деталями и обстоятельствами, тогда можно было бы считать работу эстетическим феноменом. Впрочем, как дебют в полнометражном кино показанное, хотя и с оговорками, но впечатляет.

РОССИЯ ВО МГЛЕ...

Общеизвестно, что с первых дней своего возникновения Минский международный кинофестиваль «Лістапад» стал смотром российского кино. Это разумелось как бы само собой. В неопределенную пору 1990-х годов очень трудно было ожидать возрождения белорусского кино, павильоны национальной киностудии «Беларусь-фильм» использовались чужими кинематографистами (опять-таки, главным образом, российскими). Новой точкой отсчета белорусского кинематографа следует, на наш взгляд, считать появление в 2003 году картины «Анастасия Слуцкая», вызвавшей споры в профессиональных кругах и восторженный прием зрителей.

Но вернемся к российскому киноискусству. В отличие от «Киношоков» и «Кинотавров», в Минске современное российское кино всегда было представлено неслучайными и, вместе с тем, достаточно многочисленными лентами. У нас встречаются все значимые фильмы последнего года выпуска: и «первого ряда» (участники престижных международных киносмотров), и «второго ряда» (конкурсанты российского масштаба), и просто интересные работы.

Из «просто интересных» прошлогодний «Лістапад» представил две: «Зона турбулентности» и «Пестрые сумерки». Первая картина была представлена в разделе «Молодость на марше», что вызвало некоторое удивление. Дело в том, что главным создателем фильма (режиссером и сценаристом) выступила Евгения Тирдатова. Имя более чем известное в кинематографических кругах: продюсер, сценарист, киновед высочайшего класса, автор-составитель киноэнциклопедии, член Европейской киноакадемии и Национальной российской академии «Ника».

Привлекает, прежде всего, интонация фильма: человеческая, согревающая. Картину, несомненно, можно считать удачным дебютом. Она еще раз продемонстрировала

составляющие основы, на которой создается искусство: выношенная идея, вдохновение, слаженный творческий коллектив. «В таких условиях, – говорит Е. Тирдатова, – «делать картину ужасно интересно».

Интересно, по всей видимости, было и Людмиле Гурченко, также впервые попробовавшей себя в роли режиссера. Фильм «Пестрые сумерки», снятый совместно с режиссером Дмитрием Коробкиным, был представлен во внеконкурсной программе игрового кино.

Именно дебютные российские ленты показали стремление установить контакт с аудиторией на основе доброжелательности и взаимопонимания.

В других российских фильмах (а их было большинство) такой тенденции не наблюдалось. Временами казалось, что снова вернулись жесткие, беспощадные 1990-е – настолько превалировали резкость и максимализм, почти неизменный криминальный оттенок. Такими предстали

Кадр из фильма
Алексея Балабанова
«Кочегар»

небезынтересные в целом киноленты «Перемирие» (режиссер Светлана Проскурина) и «Обратное движение» (режиссер Андрей Стемпковский). В обоих фильмах герои как будто несут положительное, гуманистическое начало. В «Перемирии» шофер Егор Матвеев пускается в путь, цель и пункт назначения которого неизвестны, по дороге встречает старых друзей, переживает различные душевные потрясения. Однако персонажи действуют на фоне среды почти агрессивной, с явными отклонениями от нормального человеческого бытия, которые как будто являются нормой для современного российского бытия. Впечатление усиливается с просмотром картины «Обратное движение». В фильме в качестве основы выступает изобразительный ряд, пластика

и только в последнюю очередь – голос и звук. В самом деле, такой подход отвечает ключевой идее фильма: всегда должна оставаться надежда, при этом не иллюзорная, а действенная. И гуманизм тоже должен быть действенным, даже если и жестким. Именно эту жесткость мы видим на экране. Проникнувшись поистине материнской жалостью, героиня Ольги Демидовой укрывает у себя мальчишку из Средней Азии. Те, от кого он убежал, находят след юного гастарбайтера и водворяют его на прежнее место. Видя страдания матери, ее собственный единственный сын, только что вернувшийся из «горячей точки», берется за спасение мальчика и вступает в конфликт с криминальной средой. Кровь, трагедия...

Апофеозом отраженной криминальности (почти лейтмотива современного российского кино) стал показ еще двух знаковых для «Лістапада-2010» фильмов: «Счастье мое» и «Кочегар». Лента производства Украины, Германии и Нидерландов повествует, тем не менее, о жизни российской провинции. То, что фильм сделан украинским режиссером, придает ему некоторый специфический оттенок, хотя перед нами, безусловно, творение искусства, коль скоро картина получила Гран-при Минского кинофестиваля (об этом разговор впереди). А вот «Кочегар» Алексея Балабанова показался чрезвычайно характерным – и по проблематике, и по ее кинематографическому воплощению. Ретроспективно видится в первую очередь не «Перемирие», не «Обратное движение», не «Овсянки» (экзотический фильм Алексея Федорченко с сильным этнологическим субстратом на тему жизни русского Севера), а именно «Кочегар». Это фильм о жизни отставного майора, героя Афганской войны по имени Якут. В свободное от обязанностей кочегара время он печатает на машинке душераздирающую историю о том, как врывается в жизнь одного из многочисленных этносов русский колонизатор, как опаивает хозяина дома, насилует хозяйку. При всем этом наш герой выступает носителем самого позитивного начала: для каждого посетителя кочегарки у него находится доброе слово, недаром одна из самых трогательных сцен в картине – когда этот немногословный пожилой человек разъясняет двум маленьким девочкам азы человеческих взаимоотношений, каковыми они должны быть в норме.

Тем временем в реальности творится и невообразимое, и страшное одновременно. К примеру, бывший сослуживец Якута постоянно привозит в кочегарку (в топку) трупы отдельных, «неудобных» ему по каким-то причинам граждан. Подлинно трагедийного накала эта периодически повторяющаяся акция достигнет тогда, когда дело коснется дочери героя. Тогда-то и происходит метаморфоза превращения скромного кочегара в матерого «ветерана Афгана». И опять кровь, и снова безысходность... Фильм производит достаточно сильное впечатление, но что остается после просмотра в душе? Ведь помимо творения, не последнее дело в искусстве – рецензия, зрительское восприятие и усвоение. Настрой, что и говорить, неоднозначный, о чем в полной мере свидетельствует полярный резонанс: возмущение зрителей и восторг большинства критиков.

ГРАН-ПРИ

Фильм украинского режиссера Сергея Лозницы «Счастье мое», следует признать, сделан с определенным вкусом, даже изыском. Приключения шофера-дальнобойщика по едва угадываемой необъятной российской территории завораживают не только почти физическим ощущением дыхания этой земли, но и сложными, переплетающимися коллизиями судеб людей, которые живут на ней.

Ассоциации зрителей при просмотре этой киноленты усложняются (извините за тавтологию) пропорционально ее усложнению. Действие охватывает более чем полувековой отрезок времени – начиная от событий Великой Отечественной войны и заканчивая современностью. Режиссер глубоко погружен в тайны человеческой психики, правда, складывается впечатление, что исследует ее несколько однобоко. Экстравагантный, но тонкий мыслитель Фридрих Ницше неоднократно утверждал, что человек есть «полузверь, полуангел», то есть цельное, хотя и двойственное существо. Так вот цельность эту – за отсутствием более или менее «ангельского» подobia человеческой натуры – никак не удастся разглядеть в большинстве фильмов, показан-

Исполнитель главной роли в фильме «Счастье мое» Виктор Немец

ных на Минском кинофестивале, причем в фильмах наиболее знаковых. На вопрос журналистов: «Почему так все депрессивно?», Сергей Лозница ответил: «Есть такие темы, депрессивные... Я беру их, потому что это меня беспокоит...»

Складывается впечатление, что восточнославянское кино всю мощь психологизма, столетиями наработанного культурой, обращает на исследование реалий, никак не отмеченных светлым человеческим началом, хоть сколько-нибудь заметным жизнеутверждающим пафосом. И это впечатление, естественно, остается у зрителя, который чувствует себя обманутым: он приходит на праздник искусства, а его целенаправленно убеждают в полной, безнадежной и беспросветной несправедливости этого мира. Не этим ли чувством обманутости можно объяснить ту «обструкцию», которую устроили зрители после просмотра фильма «Счастье мое» режиссеру и всей съемочной группе? И это притом, что наш зритель – едва ли не самый мягкий и терпимый во всем СНГ. Значит, нужно что-то менять в «прицеле» мастеров кино. Ведь истинно великие творения «важнейшего из искусств» всегда отличались тем, что кроме высоких оценок профессионалов способны были снискать признание широкой зрительской массы, как кино Ч. Чаплина, Ф. Феллини, А. Тарковского...

БЕЛОРУССКИЙ СЛЕД

На каждом фестивале всегда представлено и «местное» кино. Иногда оно выступает в качестве нейтрального фона, иногда – активно участвует в конкурсах, во многих случаях определяя их уровень и характер. XVII «Лістапад» очевидный приоритет отдал «гостевым» лентам. Лишь во внеконкурсных программах неигрового кино была представлена «Белорусская панорама», состоящая из четырех картин (все они достойны специального рассмотрения, ибо белорусская кинодокументалистика всегда оставалась на уровне самой высокой международной планки). Что касается нашего кино художественного, или игрового, уровень его заметно упал, даже в сравнении с советским периодом, и восстановить его – задача необыкновенной трудности, что признается всеми, от руководителей культуры

до простых кинозрителей. Задачу эту пытаются решать на многочисленных административных совещаниях, на семинарах с участием кинематографистов. И отвечая на драматический вопрос, заданный Президентом Беларуси на встрече с деятелями кино в сентябре 2010 года: «Существует ли белорусское кино?», подавляющее большинство сходится в том, что художественное кино в нашей стране, в том полном смысле, как это было в 1980-е годы, – отсутствует. Тем не менее, как верно отмечает известный отечественный кинокритик Л.П. Саенкова, начиная с премьеры «Анастасии Слуцкой» надежда на появление такового есть. И, несмотря на то, что мы до сих пор не определились с понятием «национальное кино», жизнь вообще и жизнь в кинематографе продолжают. Свидетельством тому является презентация на «Лістападзе-2010» фильма Андрея Кудиненко «Масакра».

На съемках
фильма «Масакра»

Впечатление от него неоднозначное. В фильме режиссера, который ранее заявил о себе как незаурядный дебютант, создав полуандеграундное кино «Оккупация. Мистерия» (2004), где есть рвущие душу эпизоды, отсутствует цельность – важный критерий состоятельности художественного произведения. Спроектировав вместе с автором сценария Александром Качаном сюжетную вязь известной новеллы Проспера Мериме, А. Кудиненко в очередной раз выступил в роли новатора, породив неизвестный мировому кинематографу жанр – «бульба-хоррор». Сам режиссер в интервью назвал три основополагающих качества этого жанра, три «с»: страх, страсть и смех. Все это и в самом деле есть в картине. Как и драматическое напряжение, которое временами

овладевает зрителем. Фильм достаточно красочный (оператор Павел Зубрицкий). Интересен общий фон действия, сопряженного с волнующей панорамой белорусской природы. Значителен созданный образ шляхты, схваченные как бы мимоходом черты ее быта и бытия. Чувствуется режиссерская «хватка». Нестандартны актерские работы «второго плана» — очевидно, что белорусская школа кино живет и обновляется. К сожалению, работы исполнителей главных ролей не столь выразительны, в них слышатся просчеты сценария и режиссуры: условность сочетания исходных историко-культурных ситуаций с сюжетом фильма, слишком медленное развертывание действия и т.д. Из-за всего этого — скромная зрительская оценка. Но думается, что в появлении «Масакры» все-таки больше позитивного, чем негативного. Фильм как бы вернул нас к ситуации семилетней давности: после выхода «Анастасии Слуцкой» тоже казалось, что наступил конец кинематографическому безвременью и начинается возрождение белорусского кино. Похоже, эта надежда начинает сбываться. В «Масакре» налицо поворот к белорусской тематике и проблематике, воплощенных размашистым талантом режиссера и командой увлеченных и одаренных людей. Значит, остается ждать, когда появится-таки фильм, который признают и критики, и зрители, сойдясь во мнении, что «вот это» не стыдно представить и в Канне.

АУРА ФЕСТИВАЛЯ

У каждого значительного события своя атмосфера. Если это касается искусства, то градус, напряжение, ток самого действия возрастают в разы. Вспоминаются самые первые кинофестивали в Минске, их безыскусная простота и тепло, исходящее от кино и от зрителей, которые играли столь важную роль в начале традиции «Лістапада». Помнятся и сурово-сосредоточенный лик Валентины Степановой, и разбиваемые Ростиславом Янковским тарелки — «на счастье», и душевные посиделки кинематографистов на верхних этажах гостиницы «Беларусь»... Десятки, сотни лиц людей, причастных к миру кино...

Пожалуй, вся эта ностальгия вызвана тем, что ныне заметно изменилась эмоцио-

нальная тональность кинофеста. Утвердившийся в качестве его центра Дом кино для большинства минских зрителей реальным средоточием фестивальных событий не стал, особенно в сравнении с «Октябрем» и «Центральным». Дом кино, бывший кинотеатр «Партизан», наполняла почти исключительно пресса, состоящая в основном из журналистов, отношения к кино не имеющих. Это не могло не проявиться на пресс-конференциях: за некоторые задаваемые такой «кинопрессой» вопросы было просто стыдно. В целом, конечно, организаторы стремились «утеплить» Дом кино для всей пишущей и снимающей братии, и многое, нужно признать, в этом плане удалось. Существенный диссонанс в строящуюся на новых основаниях программу фестиваля вносил зритель, который в ряде случаев вел себя не совсем корректно. Это касается и просмотров, во время которых иногда целые группы покидали Дом кино, и особенно некоторых пресс-конференций, где немало претензий высказывалось создателям фильмов, в том числе фильму — обладателю Гран-при.

Естественно, особая роль в создании ауры праздника кино принадлежит звездам — и, конечно, не только в виде их «метеорного» явления народу, но и непосредственного общения. В данном случае мы говорим о Людмиле Гурченко и Эмире Кустурице. Совершенно незабываемое впечатление осталось от пресс-конференции, на которой Людмила Марковна после ответов на вопросы согласилась спеть. Несколько мгновений — и перед присутствующими возникла совершенно молодая Гурченко, та самая, которая снискала любовь миллионов советских кинозрителей! Куда девалась скованность и другие законные признаки возраста! Взволнованный этим преображением зал с восторгом подпевал с детства знакомые песни военных лет...

Эмир Кустурица поразил искрометным юмором и неподдельной мудростью. Невозможно забыть переполненный зал Белорусской государственной академии искусств и то, как живо, почти синхронно, реагировал режиссер на шквал вопросов, причем тональность ответов строго соответствовала эмоциональному регистру вопрошающих.

Режиссер
Эмир Кустурица
на кинофестивале
«Лістапад-2010»

Естественно, мастер поделился эпизодами из своей столь насыщенной кинематографической жизни, рассказав, например, о том, как он трижды не мог просмотреть знаменитый фильм Ф. Феллини «Амаркорд» (студенты с замиранием сердца слушали о любовной подоплеке этой истории). При всей теплоте – четкость, даже жесткость формулировок, когда речь заходила о принципиальных для мэтра кино вещах. «Мои фильмы – между Востоком и Западом... между Тарковским и Феллини». «Человек в искусстве должен выражать себя через жанр, но лучше, если человек сам создает этот жанр». На вопрос о подтексте, заданный автором этих строк: «Каким должен быть кинофильм, чтобы отвечать критериям современного эстетического восприятия?» – мастер ответил раздумчиво и глубоко. Он отметил, что современное кино становится неким новым искусством. Оно делается по другим законам, хотя восприниматься должно иначе, чем Интернет. Главное, чтобы в нем сохранялась человечность и связь с живой жизнью. Долго еще длился мастер-класс единственного в Европе режиссера, ставшего двукратным победителем Каннского фестиваля. Даже ради одной этой встречи стоило организовывать минский кинофестиваль: общение с живой легендой и деятельным мастером киноискусства не заменит ничто. Именно в процессе такого общения и рождаются творческие планы, и формируются новые мастера.

Заметный ажиотаж среди киноманов Минска вызвало и прибытие итальянской мегазвезды Орнеллы Мути. Правда, ее визит был действительно звездно-галактическим – мгновенный блеск, вспышка, хвост кометы!.. Опоздав к открытию, она сказала несколько приветственных слов на сцене Дворца Республики, одарив публику неотразимой улыбкой, и... исчезла во Вселенной. В интервью ежедневной газете фестиваля Орнелла Мути пояснила причину своего опоздания (премьера спектакля с ее участием день в день совпала с открытием «Лістапада»), рассказала о своих русско-эстонских корнях, тепло отозвалась о гостеприимных белорусских хозяевах. Особенно значимыми показались пожелания итальянской кино-

Актриса
Орнелла Мути
на кинофестивале
«Лістапад-2010»

звезды: «...неповторимой атмосферы, свободного творчества! Пусть «Лістапад» займет достойное место в ряду самых престижных смотров мирового кино!» Сказанные тепло и искренне, эти слова воплощают и наши устремления и, будем верить, открывают минскому форуму достойную перспективу в мировой киногалактике.

Как стремительно бежит время! В нашу информационную эпоху порой не достаёт даже мига для того, чтобы, как говорит поэт, «остановиться, оглянуться». Более полугода прошло, как завершился «Лістапад-2010», а споры вокруг него не утихают, начиная от концепции фестиваля и места зрителя в нем, и заканчивая всевозможными прожектами на будущее, с целью улучшения и усовершенствования грядущих кинофорумов. Но уже работает на «Лістапад-2011» прошедшая горнило испытаний молодая команда во главе с И. Сукмановым и А. Крашевской. Простые, полные трудового напряжения будни периодически взрываются всплесками вековой дискуссии о судьбах и нынешнем состоянии белорусского кино. Обычная, казалось бы, несопоставимая с фестивальными днями-вспышками жизнь. Обычная, да необычная. Прошли уже нынешние, 2011 года, кинофорумы в Каннах и Москве. Они внесли некоторые современные акценты в понимание мирового кинопроцесса.

Но самое существенное, что произошло за послелистопадовские месяцы, – это утраты. Одна из них принадлежит к разряду тех, с которыми трудно смириться... Людмила Марковна Гурченко... Любой, кто был хоть поверхностно с ней знаком, не может отрицать: она была на редкость живым, обаятельным и проницательным собеседником. Вновь вспоминаю, как мужественно выдержала она все вопросы журналистов на той пресс-конференции, как мгновенно преобразилась из пожилой женщины в молодую, полную мощных внутренних сил певицу... Образ Людмилы Гурченко с незабвенными, с детства родными словами военных песен все стоит и стоит перед моим взором... Как символ того, что настоящее искусство неподвластно и такому трагическому феномену, каким является смерть. Образ Художника навсегда остается в нашем сердце, пока мы живем... ■